

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

**ТЕБЕ КОНЕЦ,
ХАПУГА!**

Антикор

Кирилл Казанцев

Тебе конец, хапуга!

«ЭКСМО»

2011

Казанцев К.

Тебе конец, хапуга! / К. Казанцев — «Эксмо»,
2011 — (Антикор)

Группа предпринимателей начинает строительство суперсовременной дороги. Дело, конечно, благое, но под шумок деляги захватывают широкую полосу земли – гораздо больше, чем это нужно для дела. На этой-то земле стоял дачный кооператив, который сразу же начали сносить. Возмущенных жителей живо успокоили «купленные» сотрудники милиции. История становится известной генералу Дугину, руководителю самой законспирированной российской организации «Антикор», борющейся с коррупцией исключительно неконституционными методами. И Дугин направляет на коррупционеров своего лучшего боевика – Андрея Ларина, в чьей голове уже появился хитроумный план того, как помешать захвату земли...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кирилл Казанцев

Тебе конец, хапуга!

Глава 1

За окном громыхнуло так, что кастрюля подпрыгнула на плите, плеснув супом на кухонный кафель. Уменьшив газ, Федор Юрьевич выглянул в окно. И остолбенел...

На соседний дом летело огромное металлическое ядро. Мгновение – и оно со всей силы впечаталось в веранду. Жалобно звякнули стекла, хрустнули доски, и хлипкая конструкция словно растворилась в густом облаке серой пыли. Пыль медленно оседала, и сквозь ее мутную пелену неотвратимо прорисовался контур строительной стрелы. На металлическом тросе угрожающе покачивался массивный шар – так называемая баба, предназначенная для сноса домов.

Федор Юрьевич Новицкий выключил газ, непослушными руками отставил кастрюлю и двинулся в прихожую. Пожелтевшее зеркало отразило его подстриженную седую шевелюру, глубокие рубленые морщины и старомодный ветеранский пиджак с мозаичными орденскими колодками. Толкнув дверь, он вышел на крыльцо. Увиденное заставило его невольно отступить. Ветеран не мог поверить в реальность происходящего.

На главной улице дачного поселка угрожающе рокотал огромный гусеничный экскаватор. Скрежетало железо, лязгали траки. Поднятая стрела с огромным шаром вновь разворачивалась в сторону руин, которые еще несколько минут назад были симпатичным домиком.

В стороне от событий кучковались дачники, преимущественно пенсионеры. Притом старушек, которые на свою беду живут гораздо дольше мужчин, было заметно больше. На лицах людей читалось глубокое возмущение, однако открытого негодования не высказывали. Ведь позади экскаватора рассредоточился наряд новоиспеченной полиции, и наряд, как всегда, оказался сильнее, чем народ...

Новицкий, недобро посматривая на ментов, подошел к соседям по участку.

– Почему они все-таки сносят? – поинтересовался он. – Ведь мы кассационную жалобу в суд подали! Права такого не имеют, пока окончательного решения нет!

Высокая худая старуха с обветренным лицом процедила:

– А кто их знает, иродов! У нас ведь и суды куплены, и менты, и все остальное! – Горестно взглянув на руины дачного домика, она не удержалась от горестного всхлипа. – Всю жизнь на своей земле вкалываю, еще муж покойный в восемьдесят четвертом этот домик ставил... И теперь что?

Дачники поддержали старуху осторожным гулом. Ведь у каждого здесь был и с трудом построенный домик, и стандартные участки по шесть соток, на которых они горбатились от зари до зари, и садовые деревья, посаженные много лет назад собственными руками. Для пенсионеров эти участки были ощутимым подспорьем. И теперь все это шло прахом...

– Всю жизнь работаем, а живем как нищие! – на нисходящих интонациях выдохнула бабка с желтым онкологичным лицом.

– Вон по телевизору каждый день про справедливость говорят, а все пустая брехня! – несмело поддержал ее из толпы кто-то невидимый.

– Трассу ту долбаную аж в четырех километрах от нас строят! Свои коттеджи небось под снос не пустили! – добавил еще один аноним.

Тем временем экскаватор, придавив хлипкий забор, выехал на «сотки». Массивные траки безжалостно давили грядки. Металлическое ядро со всей силы ударило в стену сарая – та печально скрипнула, покачнулась и тут же сложилась набок. Этот удар словно бы послужил

сигналом к более энергичным протестам. Бывшая владелица участка решительно перешагнула через поваленный забор, подошла к экскаватору и демонстративно улеглась перед ним наземь.

– Гусеницами дави! Убивай! Но ломать тут больше ничего не позволю!

Экскаваторщик выключил двигатель, на секунду высунулся из кабины, словно кукушка из ходиков, и прокричал какую-то неразборчивую матерщину.

И тут Федор Юрьевич не выдержал. Осторожно протиснувшись сквозь толпу, он подошел к экскаватору.

– Что вы себе позволяете?

– Да ты, старый козел, вали на хрен отсюда! – окрысился из кабины работяга. – А то сейчас и тебя, и твою бабу задавим!

Новицкий с трудом, но все-таки проглотил обиду; тягаться с этим здоровым амбалом у него, восьмидесятилетнего старика, не было никакой возможности. Однако остальных дачников это оскорбление задело за живое.

– Как тебе не стыдно! Тебя еще в планах не было, когда он уже пацаненком в лесах партизанил! – заголосила пожилая тетка в брезентовой ветровке.

– Совсем совесть потеряли! – поддакнул ей немолодой мужчина в резиновых сапогах. – За деньги маму с папой продашь!

А к месту происшествия уже спешил пузатый судебный пристав в окружении трех правоохранителей. Двое ментов, быстро оценив ситуацию, бросились к старухе, подняли ее с земли и оттащили в сторону. Полицейский лейтенант и пристав вразвалочку подошли к Федору Юрьевичу. Подобно многим провинциальным ментам, лейтенант был невелик ростом и хорошо упитан.

– Нарушаем? – лениво поинтересовался мент голосом сытого человека, который очень хочет возбудить в себе зверя.

Лицо Новицкого пошло алыми пятнами.

– Ваши действия незаконны, – произнес он, с трудом сдерживаясь. – Мы подали кассационную жалобу. Окончательное решение суда по сносу кооператива не вступило в законную силу. Сейчас же уберите ваш экскаватор!

– Алё, старый мудак, вали-ка лучше отсюда по-доброму, – пристав мельком взглянул на ветеранские колодки на пиджаке Федора Юрьевича и, не удержавшись, добавил: – Покоя от вас нигде нету... Не все еще передохли!

– Расходимся, расходимся. – Мент незаметно, но очень болезненно подтолкнул Новицкого в бок.

Ветеран понял: больше он сдерживаться не будет. Недобро прищурившись, он выдал целый букет соленых партизанских пожеланий и судебному приставу, и ментам, и всей существующей вертикали власти.

Выслушав старика, лейтенант поправил кобуру и взглянул на Новицкого, словно на назойливое насекомое.

– Отказ подчиниться плюс оскорбление должностного лица при исполнении, – резюмировал мент и, обернувшись к подчиненным, наблюдавшим за событиями чуть поодаль, призывно поднял руку – мол, действуем по инструкции!

Полицейская дубинка, на мгновение взметнувшись в воздух, опустилась на голову бабки с желтым лицом. Послышался короткий вскрик, и на него тут же наложилось всеобъемлющее ментовское ругательство.

И тут в голову лейтенанта ударил ком земли. Фуражка свалилась наземь, и полицейский, медленно утерев грязь с лица, зафиксировал цепким взглядом ту самую старуху, которую давеча его подчиненные с трудом оттащили от экскаватора.

– Сука старая! Нападать? На меня? – Мент явно потерял над собой контроль и потому сбился на откровенно истеричные интонации.

– И полицаи, и нацисты в свое время тоже были при исполнении, – нехорошо прищурился Новицкий. – А чем они закончили – всем известно... Судили и вешали.

Полицейский аж поперхнулся от такой наглости.

– Да я тебя, старый хрыч, на зону к белым медведям закатаю, – зловещим шепотом пообещал он и тут же сорвался на крик: – Так, мордой на землю, быстро! Руки на затылок! А ну, быстро, кому сказано!

– Да пошел ты... – Федор Юрьевич сплюнул себе под ноги.

Мент подумал, стоит ли применять к старику силу, и решил, что все-таки нет – слишком уж много свидетелей. Подняв с земли сбитую фуражку, он утер ее, водрузил на голову и, обведя взглядом притихших дачников, зловеще молвил:

– Допрыгались, уроды. Всем немедленно разойтись! Не хотите? Все, вызываю ОМОН! – Рука лейтенанта судорожно потянулась к рации...

Полицейский спецназ прибыл в дачный кооператив через полчаса. Впрочем, усмирять тут было уже некого. Несчастные пенсионеры и без того послушно ретировались. При этом избитую бабушку унесли на руках – у нее было сотрясение мозга. Экскаватор, покончив со сносом первого домика, с бездушным механическим урчанием пополз к следующему.

А вот Федору Юрьевичу и его соседке, запустившей в полиция комом земли, не повезло. Обиженный до глубины души лейтенант распорядился завезти задержанных в ближайший райотдел, где на них быстренько составили протокол и, как водится в таких случаях, пригрозили судом и тюремным сроком. После чего распорядились запереть в «обезьяннике» – до выяснения обстоятельств.

Но бывшего партизана запугать было не так-то просто. В свое время, еще пацаном, он побывал на допросах и в гестапо, и в полицейской управе, а потому имел соответствующий опыт общения с подобной публикой. Мол, ты меня камерой не страшай, сидел уже в сорок втором, и пытками пугали, и на расстрел водили. Кстати, тот полицейский, который меня допрашивал, потом на mine подорвался, так что если ты, мент, думаешь, что и у тебя несколько жизней и что ты ветерана партизанского движения переживешь, то сильно ошибаешься...

Назревал невероятный скандал, и начальнику РОВД совершенно не хотелось последующих разбирательств. Ведь общественное мнение в любом случае оставалось бы на стороне бывшего партизана Новицкого. К вечеру и Федора Юрьевича, и его соседку неохотно выпустили из ментуры. На последнем пригородном автобусе они успели-таки добраться до дачного кооператива.

То, что увидели старики, заставило их содрогнуться...

Дачный поселок, еще с утра радовавший взгляд густыми кронами, разноцветьем клумб и ухоженностью грядок, теперь смотрелся, будто бы после бомбардировки «Юнкерсами». Поваленные заборы, истоптанные грядки, раскуроченные домики... Почему-то сильно запали в душу сломанные фруктовые деревья, которые стояли тут уже много лет.

– Надо жалобу написать. – Бывшая хозяйка домика шмыгнула мягким старческим носом, всхлипнула. – Президенту или премьеру... Сколько можно над людьми издеваться?

Федор Юрьевич печально взглянул на свой домик – завтра или максимум послезавтра и его должны были пустить под бульдозер.

– Да тут пиши, не пиши... – Бывший партизан сплюнул в сердцах. – Неужели не ясно?

– Сколько же я в эту дачу всего вложила, сколько денег, сколько здоровья... – тоненько запричитала старуха. – Муж мой по ночам не спал, на двух работах вкалывал, все на стройматериалы копил! По выходным отсюда не вылазил, и домик этот своими руками, и деревья, и огород... Думал – хоть на старости лет на своей земле будем жить и ни от кого не зависеть...

– Ладно, Васильевна. – Новицкий взглянул на часы. – Автобусы в город уже не ходят. Иди, у меня переночуешь. А насчет жалоб – забудь. Без толку все это.

Выпив на ночь чаю, Федор Юрьевич улегся спать. Заснул он быстро, как засыпают солдаты и дети. Под утро почему-то приснилось почти подзабытое: ажурный железнодорожный мост через реку, черный поезд со свастикой. Вспышка, удар, дым, тяжелая вибрация земли! Вагоны, натыкаясь друг на друга, летят в воду...

Новицкий осторожно, чтобы не разбудить соседку, вышел на крыльцо. Достал пачку «Беломора», уселся и, подставив лицо под кислородную свежесть утреннего ветра, с наслаждением закурил.

Небо на востоке медленно набухало нежной желтизной. Ветер нес с еще не уничтоженных клумб терпкий цветочный аромат. Где-то в ветвях тенькнула и тут же смолкла пугливая птица.

– Тут жаловаться бесполезно. – Как многие старые люди, Федор Юрьевич иногда разговаривал сам с собой. – Мы в этой стране никому не нужны. Ни-ко-му.

* * *

– Ну что – за новую федеральную трассу! – Немолодой пузатый мужчина в костюме от Бриони поднял бокал с шампанским.

– За почин! – согласно улыбнулась рыжеволосая девица. – За исполнение всех желаний!

Празднование начала строительства шоссе Москва – Западная граница происходило в отдельном кабинете модного ресторана «Yurrie». Хозяин дорожно-строительного холдинга «Т-инвест» Владлен Пефтиев, как и положено, восседал во главе стола. Слева от него примостилась рыжеволосая Ася Мокрицкая, офис-директор холдинга, справа – Роман Мандрыкин, заместитель по связям с общественностью, гламурный мужичка с бегающими глазками. Ожидался еще один заинтересованный гость, но он, по московскому обыкновению, застрял в автомобильной пробке, и потому празднование по обоюдному согласию начали без него.

Владлен Николаевич Пефтиев, обрюзгший, с многочисленными залысинами на большой шишковатой голове, был в прекрасном расположении духа. И неудивительно. Ведь федеральная трасса, подряд на которую он с таким большим трудом получил, в перспективе должна была стать настоящим золотым дном, способным прокормить не только хозяина «Т-инвеста», но и всех нужных Пефтиеву людей, а также его родственников, холуев и любовниц. Хотя справедливости ради стоит сказать, что Ася Мокрицкая в любовницах у Пефтиева не числилась. Некоторые даже называли ее невестой. Откуда она взялась, почему моментально возвысилась и зачем Пефтиев с ней так носит, знали только избранные.

Мало кто в курсе, но строительство любого, даже незначительного по протяженности шоссе – настоящий бенефис воровства, приписок, подлогов, фальсификаций и всего, что только можно представить. И доказать все эти подлоги, фальсификации и воровство практически невозможно. Одну и ту же проделанную работу можно представить по документам и как «выемку песка», и как «работу в скальных породах». А уж если загодя купить проектировщика, всегда можно заблаговременно прибрать к рукам по бросовым ценам то, что в будущем уйдет под строительство трассы, чтобы потом получить компенсацию. Ведь шоссе – это не только то, что под асфальтом и бетоном. Существует понятие – «полоса отвода». Это земля, которая изымается у владельцев временно, на период строительства, но почти никогда не возвращается после рекультивации. Любые протесты владельцев, словно волны о мол, разбиваются о железобетонную формулировку: «земля изымается для государственных нужд». Такая полоса отвода тянется вдоль трассы на сотни метров по обе ее стороны. Строения, находящиеся там, автоматически идут под снос – если это заложено в проекте, а сам проект утвержден на самом верху. Это же касается и временных подъездных дорог, прокладываемых на период строительства к карьерам и площадкам под асфальтобетонные заводы, и любых заповедников, и даже некоторых исторических объектов: все зависит от проектировщика, которого застройщик всегда может купить. Таким образом можно на законных основаниях захватить любой приглянув-

шийся участок земли, расположенный даже в десяти километрах от будущего шоссе, снести дачный кооператив и дать людям взамен неосвоенные участки где-нибудь на отшибе, рядом с городской свалкой... Притом – в полном соответствии с законом. Как это и было недавно сделано в кооперативе «Ветеран».

Пефтиев уже детально просчитал, как распорядиться землей после строительства. Часть будет отдана в аренду под складские терминалы, бензозаправки и придорожный сервис, часть пойдет в качестве взяток нужным людям. Просчитав нехитрую математическую операцию с «дебетом» и «кредитом», подрядчик получил в сухом остатке цифру из учебника астрономии.

Правда, оставался тот самый гость, который должен был появиться с минуты на минуту. На него слишком много завязывалось в многообещающем проекте. Много – если не все...

– Да, Владлен Николаевич, чуть не забыл. – Роман Мандрыкин отставил недопитый бокал с шампанским и заинтересованно взглянул на бутылку ликера. – Там в дачном товариществе с этими ветеранами небольшая заминка вышла. Дело в том, что...

– В курсе, в курсе, – согласно кивнул хозяин дорожно-строительного холдинга. – Решение суда в нашу пользу есть, а тому быдлу участки в качестве компенсации уже выделили. Проиграли они суд.

– Так они волну погнали, в газеты разные пишут, а дети их – еще и в Интернет, – упрямо добавил Мандрыкин.

– Романчик, ну давай хоть сегодня о делах не говорить? – ехидно заулыбалась рыжеволосая Ася. – У тебя что, других тем нету? Ты же у нас такой нежный фрукт...

Мандрыкин слегка покраснел – во фразе «нежный фрукт» прослеживался явный сексуальный подтекст. Что неудивительно, ведь директор по связям с общественностью был убежденным гомосексуалистом, чего, впрочем, и не думал особо скрывать, разве что не рекламировал себя в таком качестве.

– Ты ведь недавно в Таиланде отдыхал! Вот и расскажи, как там оно, – с явным подтекстом попросила Мокрицкая.

– Гостиница понравилась – ну, просто пять голубых звезд. – При воспоминании об отпуске Роман несколько оживился. – А от остального ожидал большего. Прикинь, Ася: шоу трансвеститов. Ну, в зале все наши люди, продвинутые. Сiju, жду – а вдруг я чего-нибудь нового увижу? Смотрю – симпотный такой транск: во-от такой бюст, во-от такая жопа. Присмотрелся, а это на самом-то деле – баба, фейк для лохов... Тьфу!

– Обидно, обидно, понимаю. – Владлен Николаевич снисходительно взглянул на заместителя по связям с общественностью и тут же, по своему обыкновению, неожиданно напомнил о делах: – Так что, говоришь, в том поселке ветераны волну погнали?

– Ага. Телеги во все инстанции строчат. На Ю-тубе уже видео про снос поселка выложили.

Конечно же, какие-то нищие старики из какого-то затруханного дачного кооператива совершенно не интересовали дорожно-строительного магната. Однако их неожиданная активность могла если и не навредить строительству, то сильно его замедлить. К тому же скандал привлекал нездоровое внимание к самому проекту. А это было бы очень некстати – учитывая и уже вложенное в трассу бабло, и то, которое еще следовало в него вкладывать. А также многие другие сопутствующие обстоятельства.

– Так, Роман, ты у нас мастер языком работать... – молвил Пефтиев и, не обращая внимания на смешок Аси, вызванный двусмысленностью фразы, продолжил: – Отправляйся-ка и ты завтра в эту сраную область. Разрули ситуацию в тамошних СМИ. Заодно проведи встречу с теми мудаками. Объясни – мол, все уважаемые ветераны получили компенсацию, им выделили участки и денежные средства. А строительство современной федеральной трассы создаст новые рабочие места, оживит их депрессивный регион, соединит их глубинку с Москвой. Поликлинику какую-нибудь для ветеранов тех долбанных пообещай. Или нет, поликлиника дорого...

Лучше – импортное медоборудование для уже имеющейся. Единоразовые подарки организуй... И пусть мне ихняя ветеранская организация какую-нибудь бумагу подпишет; в случае чего будет чем от журналюг отбиваться. А то, чувствую, новый Химкинский лес назревает. Нам скандалов не надо.

И тут дверь кабинета раскрылась. В проеме стоял подтянутый мужчина лет сорока пяти. Английский, в струночку, пробор, тонкие усики, стильный костюм с безукоризненно подобранным галстуком – все это делало его неуловимо похожим на марьяжного валета из карточной колоды. Это был Юра Граеров – тот самый человек, чьего появления Владлен Николаевич ждал и опасался одновременно.

В начале девяностых, когда в Москве все только начиналось, многие бизнесмены имели таких вот знакомых. В том числе и Пефтиев – бывший комсомольский функционер. В те времена бывший спортсмен Граеров, возглавлявший бригаду классических бандитов-«отморозков», крышевал его торгово-закупочную фирму и за немалое вознаграждение выполнял некоторые очень специфические заказы Владлена Николаевича. В конце девяностых Граеров был объявлен в розыск, с огромным трудом уехал на Запад, где вскоре и сел. Как ни странно, отсидка пошла ему на пользу: бандит набрался хороших манер и даже сносно овладел двумя иностранными языками. Немецкий он выучил в берлинской тюрьме «Моабит», где отбывал шестилетний срок за организацию заказного убийства, а французский – в кожно-венерологической клинике Марселя, где по поддельному паспорту лечился после отдыха с загулявшими московскими топ-моделями.

После экстрадиции, произошедшей полтора месяца назад, Граеров вернулся в Москву. К тому времени уголовное дело, возбужденное на него еще в 1995 году, закрыли за относительно небольшую взятку. Юра, покантовавшись в столице несколько недель, вскоре вспомнил о Пефтиеве. Сам же Владлен Николаевич уже и думать забыл об этом страшном человеке. Ликвидировав свою торгово-закупочную фирму, он занялся дорожно-строительным бизнесом, притом «Т-инвест» за короткое время вошел в десятку самых продвинутых фирм этого профиля. Однако о Пефтиеве не забыл бывший бандит, и не только не забыл, но и кое-чего напомнил... «Так, мол, и так, у меня на тебя с девяностых сорок чемоданов компромата, в том числе и некоторые любопытные записи, где ты заказываешь мне убийства двух конкурентов... А ты ведь теперь активный член правящей партии и влиятельный бизнесмен. О твоём дорожно-строительном холдинге наслышан. А потому предлагаю: я тебе помогу получить подряд на федеральную трассу, а ты, в свою очередь, поможешь мне...»

Удивительно, но бывший бригадир «отморозков» действительно сумел выбить для «Т-инвест» подряд на строительство трассы. Каким именно образом – непонятно, да Граеров и не распространялся на этот счет. Возможно, с эпохи бурных девяностых у него оставались какие-то очень серьезные связи в коридорах власти, и притом – на самом верху; а скорее всего, в ход пошли еще какие-нибудь чемоданы с убийственным компроматом. Однако Граеров почему-то сразу не сказал о цене своей помощи Владлену Николаевичу. Несомненно, конкретная беседа должна была состояться сегодня, и именно в «Yurrie».

Постояв в дверном проеме, Граеров пристально осмотрел собравшихся и тут же быстро обыскал кабинет глазами – мол, нет ли тут кого-то еще? Подошел к столу и, словно колеблясь, поздоровался с Пефтиевым.

Тот с тихим звяком отложил вилку. Только два красных пятна на его скулах выдавали волнение. Глядя на гостя, владелец «Т-инвеста» почему-то поймал себя на мысли, что ему хочется спрятать в карман свой мобильник, ведь таким людям никогда нельзя доверять до конца. Однако мобильник он не спрятал, а наоборот – улыбнулся, сделал приглашающий жест:

– Прошу! Заждались тебя...

Словно из воздуха возник официант. Граеров брезгливо взглянул на Мандрыкина, затем оценил рыжую шевелюру Мокрицкой и, остановив взгляд на бутылке шампанского «Laurent-Perrier Brut» по двести евро за бутылку, молвил:

– Богато живете. Но этого я не пью. Вискарь и хорошая сигара – есть?

Вся троица светски улыбалась и с вежливыми гримасами ждала, пока официант раскурит для гостя сигару. Тот, наконец, закинул ногу за ногу и молвил:

– Владлен, надо бы нам вдвоем поговорить. Скажи этим...

То ли Мандрыкин не знал о статусе гостя, то ли шампанское сильно дало ему в голову, но он почему-то сразу возмутился:

– А с какой стати мы должны отсюда уходить? Это, знаете ли, даже очень невежливо с вашей стороны!

Граеров даже не обернулся.

– Пошел на х... отсюда! – лениво отреагировал он и, пустив кольцо сигарного дыма, добавил: – И ондатру эту крашеную с собой забирай!

– Это я – ондатра? – вскинула брови Ася. – Владлен, объясни ему доходчиво.

Пефтиев наклонился к уху Граерова и что-то прошептал. Тот выслушал и затем очень неумело произнес:

– Извините меня, дорогая. Обидеть не хотел. Можете оставаться.

– Нет уж, я как все, – сказала Ася.

Возникло неопределенное замешательство. Владлен Николаевич сделал подчиненным страшные глаза – мол, быстренько отсюда, потом все расскажу, это не вашего ума дело!

И лишь когда офис-директор и заместитель по связям с общественностью вышли из кабинета, Граеров произнес:

– А теперь давай обо всем по порядку. Только Асю больше не обижай, самому же дороже станет.

– Понял, не дурак...

...Когда Владлен Николаевич вышел за дверь через полчаса, у него дрожали руки. Уняв дрожь, он подошел к барной стойке, за которой сидели Мокрицкая и Мандрыкин. Взглянул на них ничего не выражающими, мутными глазами, заказал у бармена виски, выпил залпом...

– Все нормально, почти с этой бандитской мордой договорились. Поехали в какое-нибудь другое место праздновать, – тусклым от страха голосом произнес дорожно-строительный магнат. – Вы уж извините, что так получилось...

Ася с Романом решили не задавать Пефтиеву лишних вопросов. И не только потому, что это не вписывалось в корпоративную этику. Оба они были людьми неглупыми и потому прекрасно поняли контекст и подтекст беседы – несмотря на то что не были ее свидетелями.

Глава 2

– Отвечайте на вопросы однозначно, «да» или «нет». Ответы должны быть абсолютно искренними. А главное – не делайте пауз. – Пожилая женщина напряженно блеснула линзами очков в золотой оправе. – Итак. Вы сидели когда-нибудь в тюрьме?

- Нет.
- Вам приходилось когда-нибудь убивать людей?
- Нет.
- Вы владеете приемами рукопашного боя?
- Нет.
- Вы положительно относитесь к существующей в России власти?
- Да...

Небольшая комната напоминала амбулаторный кабинет: белые стены, крахмальные занавески, стеклянные медицинские шкафчики. За столиком у окна сидел молодой сероглазый мужчина. Грудина его была стянута широким поясом с рельефными датчиками. Такие же датчики, только поменьше, крепились к четырем пальцам правой руки. Несколько десятков разноцветных проводков, змеившихся по столу, шли к шнуру USB-порта сенсорного блока. Рядом с компьютером едва слышно пищал самописец, и его тоненькая игла выводила на бумажной ленте причудливые синусоиды. Такие же синусоиды, только разноцветные, медленно вычеркивались на экране ноутбука.

Женщина в золотых очках продолжала задавать вопросы. Сероглазый, глядя в какую-то пространственную точку перед собой, отвечал негромко, вятно и подчеркнуто без эмоций.

- Вы служили когда-нибудь в правоохранительных органах?
- Нет.
- Вы болели в детстве свинкой?
- Да.
- Вы любите петь в душе?
- Нет.
- Вы хотели бы уехать из России навсегда?
- Да.
- Вы курите сигары?
- Да.

Чуть слышно скрипнула входная дверь за спиной испытуемого. В комнату неслышно вошел молодой грузный брюнет с крепким мясистым лицом. Взглянув на экран ноутбука, он осторожно сел рядом с экзаменаторшей в золотых очках. Та продолжала задавать вопросы:

- Вы верите тому, что слышите и видите на российских федеральных каналах?
- Да.
- Вы могли бы торговать овощами на рынке?
- Нет.
- Вы когда-нибудь делали пластическую операцию?
- Нет.
- Вы водили когда-нибудь автомобиль в нетрезвом состоянии?
- Нет.
- У вас появляются мысли об убийстве высших лиц Российской Федерации?
- Нет.

Спустя минут пятнадцать все было закончено. Экзаменаторша, ловко отсоединив от испытуемого датчики, уселась за компьютер, внимательно просмотрела результаты тестирования, затем долго просматривала ленту самописца...

– Тридцать четыре, – молвила она, удивленно поджав губы. – Поразительно...

– Тридцать четыре ложных ответа? – негромко поинтересовался вошедший мужчина.

– Тридцать четыре правдивых...

Тем временем сероглазый, поднявшись из-за стола, протянул руку гостю:

– Ну, здравствуйте, Павел Игнатьевич...

– Рад видеть, Андрей. А еще рад, что ты научился обманывать детектор лжи, и притом делаешь это абсолютно блестяще.

– Значит, меня вполне можно представлять к ордену «Золотой Лжец Российской Федерации I степени», – заулыбался Андрей.

– Если вручать подобные ордена в Кремле, на Дмитровке, на Лубянке, на всех без исключения телевизионных каналах... а также в разных иных аналогичных местах – наша страна в скором времени без драгметаллов останется, – кивнул Павел Игнатьевич. – Ладно, ты сейчас полиграф по какой именно методике обманывал? Расскажи, если не секрет.

– А никакого секрета и нету. – Лицо сероглазого в одночасье сделалось очень серьезным. – И вообще, я давно понял, что все эти рассказы о небывалой эффективности «детекторов лжи» – не более чем миф, который создается соответствующими силовыми структурами... ну, и фирмами, которые этими самыми детекторами торгуют. Вариантов тут много. Можно предварительно выпить водки или принять димедрол – это снижает чувствительность собственных сенсорных анализаторов. Можно использовать массу приемов из арсенала нейролингвистического программирования. Но самое действенное – это система Станиславского. Главное тут – поверить в то, что ложь, которую ты должен произнести, – святая правда. Я, кстати, на все вопросы, где должен был отвечать «нет», говорил «да». И наоборот. Как мне и было сказано...

Мужчина с мясистым лицом мельком взглянул в монитор.

– Даже когда тебя спрашивали об убийстве высших лиц Российской Федерации? Кстати, ты и тут обманул полиграф...

– Вот именно.

– Ладно. Антонина Алексеевна, – Павел Игнатьевич улыбнулся женщине в золотых очках, – спасибо вам большое. А теперь, с вашего позволения, мы с Андреем Лариным побеседуем в соседней комнате. Не возражаете?

Глядя на Павла Игнатьевича Дугина, невозможно было себе и представить, что он возглавляет ни много ни мало мощнейшую и отлично законспирированную тайную структуру Российской Федерации. В отличие от большинства подобных организаций эта структура не ставила целью свержение действующего режима с последующим захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях, и притом – исключительно неконституционными методами.

Костяк тайной структуры составили те честные офицеры МВД, которые еще не забыли о старомодных понятиях «порядочность», «совесть», «присяга» и «интересы державы». Однако одиночка, сколь благороден бы он ни был, не в состоянии победить тотальную продажность властей. Тем более коррупция в России – это не только гаишник, вымогающий на шоссе дежурную взятку, и не только ректор вуза, гарантирующий абитуриенту поступление за определенную таксу. Коррупция в России – это стиль жизни и питательная среда обитания...

Начиналось все несколько лет назад – как обычно, с самого малого. Офицерам, выгнанным со службы за излишнюю порядочность, влиятельный силовик Дугин подыскивал новые места работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в Главке МВД открывала самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для «оборотней в погонах», этих самых честных офицеров уволивших. Для этого несколько наиболее проверенных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем – еще...

Заговор – это необязательно одеяла на окнах, зашитая в подкладку шифровка, подписи кровью на пергаменте и пистолет, замаскированный под авторучку. Залог любого успешного заговора и любой тайной организации – полное и взаимное доверие. И такое доверие между заговорщиками против коррупции возникло сразу же.

Вычищать скверну законными методами оказалось нереально – та же внутренняя опасность во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, продажность судов и, самое главное, низменные шкурные интересы российского чиновничества не оставляли никаких шансов для честной борьбы. И потому Дугин практиковал способы куда более радикальные, вплоть до физического уничтожения наиболее разложившихся коррупционеров. Точечные удары вызывали у разложенцев естественный страх, количество загадочных самоубийств среди них росло, и многие догадывались, что смерти эти далеко не случайны. Слухи о некой тайной организации, эдаком «ордене меченосцев», безжалостном и беспощадном, росли и ширились, и притом не только в Москве, но и в провинции. Корпус продажных чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар последует. Что, в свою очередь, становилось не меньшим фактором страха, чем сами акции устрашения.

Сколько людей входило в тайную структуру и на скольких высоких этажах власти эти люди сидели, знал только Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла лишь одно звено, да и то ненадолго – так у акулы вместо сточенного ряда зубов очень быстро вырастают новые.

Самому же Андрею Ларину, бывшему наро-фоминскому оперативнику, бывшему заключенному ментовской зоны «Красная шапочка», бежавшему с зоны не без помощи Дугина, отводилась в законспирированной системе роль эдакого «боевого копья». И как догадывался Андрей – далеко не единственного. Таких «копий» у Дугина наверняка было несколько. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего наро-фоминского опера – случайного провала можно было не опасаться. Жизненного опыта Андрея было достаточно, чтобы быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях. Природного артистизма – чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до губернатора. Профессиональные навыки тоже были на высоте. Все, причастные к тайной антикоррупционной структуре, проходили занятия по стрельбе, спецвождению, безопасности в Интернете и даже прикладной химии. Практический курс моделирования вербального и невербального поведения, в том числе и способы обмана «детектора лжи», считался едва ли не самым важным.

...По трепещущей шторе бегали причудливые тени листвы. Из сада доносилось неумолкаемое журчание – это на газон дачного участка распылялась вода из шланга, и радужные капли стекали с лепестков георгин перед самой верандой. Павел Игнатьевич Дугин аккуратно выложил перед Андреем толстую папку, включил ноутбук.

– Ну, про скандал в кооперативе «Ветеран» ты, конечно, знаешь.

– Интернет читаю, – кивнул Ларин, – Ю-туб юзаю.

– Советую ознакомиться с основными фигурантами. – Дугин кивнул на монитор ноутбука. – Владлен Николаевич Пефтиев, бывший комсомольский деятель, а теперь – дорожно-строительный олигарх. Вроде бы делает доброе для страны дело: строит федеральную трассу европейского уровня. Но на самом-то деле все это обычная профанация. И дорожное полотно там рассыплется лет через пять, и масса людей пострадает... кроме самого Пефтиева и еще дюжины его приближенных.

– «В России нет дорог, в России есть направления», – процитировал Ларин известное высказывание Черчилля.

– И направление это одно: воровать, воровать и воровать. «После нас – хоть потоп!» – цитатой на цитату ответил Павел Игнатьевич.

– Предлагаете мне... заняться?

- Естественно.
- Я в технологии строительства не разбираюсь. Я ведь бывший мент, а не инженер.
- А тут ни опер, ни прораб не нужны. Тут нужен хороший соглядатай, способный тщательно фиксировать все, что происходит при строительстве. А также – аналитик, который сумеет просчитать, каким именно образом Пештиев получил подряд на федеральную трассу.
- И кем же должен быть этот соглядатай-аналитик? – не понял Андрей.
- Дугин прищурился, задумался, явно что-то просчитывая в уме.
- «Из всех искусств для нас важнейшим является кино», – бросил он загадочно.

* * *

Розовый «Кадиллак», завывая двигателем с турбонаддувом, безуспешно пытался въехать на небольшую площадь, зажатую коробчато-бетонными домами. Бугристую дорогу, ведущую к площади, блокировала огромная кочка, размером и очертаниями напоминавшая оплывший курган. Разбрасывая грязь, лимузин поднатужился и с пятой попытки проскочил на площадь через препятствие. Сделал небольшой крюк и, неустойчиво виляя огромным задом, подъехал к паркингу у мрачного серого здания с табличкой «Дом ветерана». Дверка «Кадиллака» открылась, из-под нее показалась лакированная туфля с белоснежным носком, а затем и сам водитель – гламурного вида мужчинка с неприятно бегающими глазками. Брезгливо осмотревшись, он поставил наземь резиновые сапоги, быстро переобулся и, перескакивая через лужи с лакированными туфлями в руках, в три прыжка достиг ступенек ветеранского клуба.

К владельцу розового лимузина уже спешил дедок в потертом коричневом костюме – этакий типаж отставного советского хозяйственника. Это был председатель городской ветеранской организации, бывший парторг метизного завода.

– Роман Сергеевич, ветераны уже в сборе, ждем вас, – не без подобострастия произнес он и несмело протянул руку – словно боясь, что богатый гость не ответит на рукопожатие.

Тот, однако, протянул руку в ответ.

– Где вы их собрали? В актовом зале? – Мандрыкин поспешно принялся переобуваться в лакированные туфли. – Продукты завезли? Протокол будущего решения подготовили? А все остальное?

– Все готово, ждем вас...

Бывший парторг, а ныне председатель дачного кооператива «Ветеран» и гламурный гость исчезли в обшарпанном здании. Розовый «Кадиллак» смотрелся на раздолбанной площади городка как инопланетный пришелец – не хватало только антенн космической связи.

Из-за угла неторопливо выкатил «УАЗ» дорожно-постовой службы. Лейтенант с сержантом тупо уставились на «пришельца».

– Это еще что за херня? – поинтересовался офицер, разглядывая «американца».

– Таких у нас в городке, товарищ лейтенант, точно нет, и номера московские, – доложил сержант очевидное.

– Сам вижу, что московские. На таких машинах только конченные мудилы ездят. Вот ты за руль такой штуковины сел бы?

– Если нормально покрасить, зайчика с пушистыми ушками с приборной панели снять, то ездить можно. Машина-то на самом деле зверь. Движок – за двести лошадиных сил. Когда с места трогается, протекторами асфальт рвет, – доверительно сообщил сержант, откусывая остывший хот-дог – ладонь держал снизу, ловил в нее крошки и капающий кетчуп.

– В том-то и дело, если покрасить. Тут спору нет. А так – розовое позорище.

И только сейчас до лейтенанта дошло, что припаркован-то «Кадиллак» в неподобающем месте. Тут не только стоянка, но даже и остановка запрещена. Правда, знак, как это заведено в провинции, надежно прятался в кроне густо разросшегося старого тополя.

– Предлагаете владельца подождать, товарищ лейтенант, или сразу эвакуатор вызвать?

– Да ну его на хрен, – прикинул офицер – страж порядка. – Машина дорогая, значит, и мутила важный. Лучше не связываться.

С другого конца площади послышался стрекот мотора. Лейтенант с сержантом синхронно повернули головы.

Лихо перемахнув через кочку, похожую на оплывший курган, выкатил мотоцикл: черный, блестящий никелированными деталями. На нем восседал крепко сложенный мужчина в кожаной куртке, на голове таинственно поблескивал тонированным забралом шлем.

– Тоже не местный. Сразу видно – столичный фрукт, – резюмировал лейтенант и добавил совсем нехарактерную для провинции фразу: – Понаехали.

Мотоциклист заглушил двигатель, поднял забрало и пешком неторопливо двинулся к «Кадиллаку», заглянул в стекло, приложив к нему ладонь, чтобы не так отсвечивало.

– Любопытствует приезжий, – насторожился лейтенант.

Сержант прочувствовал настроение старшего наряда – вышел из машины и махнул рукой.

– Подойдите, гражданин.

Мотоциклист охотно повиновался.

– Какие проблемы, сержант? Документы предъявить?

– Машина знакомого вашего? – с каменным лицом поинтересовался сержант.

Лейтенант пока не вмешивался, наблюдал за происходящим из-за опущенного стекла.

– Нет. Я и понятия не имею, кто ее хозяин. Но тип явно со странностями и мухами в голове, – ответил мотоциклист. – И как он только на своем «Кадиллаке» ездит? Все приборы тарированы в милях, галлонах и градусах по Фаренгейту. Так недолго и скоростной режим нарушить, и движок перегреть.

Лейтенант выбрался из машины, коротко и лениво козырнул мотоциклисту, после чего осведомился:

– А вы не из этих... не из байкеров будете?

– Что вы. Я человек солидный и ответственный. Глупостями не занимаюсь, – спокойно ответил мотоциклист, в свою очередь, разглядывая лейтенанта.

– А то появились у нас в прошлом году такие же – на мотоциклах и в кожанках. Слет свой – шабаш – устроили. Ну, вы понимаете, групповая езда и все такое прочее. Ночные гонки в пределах населенного пункта...

Лейтенант говорил и уже понимал, что ошибся. Чутье правоохранителей практически никогда не обманывает. Перед ним был человек из другого теста, никакой не байкер. Короче говоря, не его «клиент». В мотоциклисте даже было что-то располагающее и немного родное.

– Если спешите, больше не задерживаем, – подытожил лейтенант. – К приезжим приглядываться – это у нас профессиональное.

– Вы люди местные, каждую дорожку-тропинку здесь знаете, – миролюбиво произнес мотоциклист.

– Не без этого. Служба такая.

– Тогда подскажите – может, у вас деревня заброшенная есть, где нет ни современных линий электропередачи, ни шоссе поблизости? Ну, и живописно чтоб было.

Сержант снял фуражку, поскреб коротко стриженный затылок ногтями.

– Живописно – это пожалуйста. Места у нас красивые: природа, грибы, ягоды, рыбалка. И деревня такая имеется. Только там домов уже не осталось, растащили все. Сады да печи торчат оплывшие. Возле озера Чертово Око. – И сержант принялся рисовать на листке в блокноте дорогу, как туда проехать.

– Еще у меня вопрос имеется. Телефончик ближайшего ОМОНа подскажите; не по сто два же мне звонить, как в справочную.

– А это зачем вам? – удивился лейтенант.

– Есть надобность...

Актальный зал «Дома ветерана» воскрешал в памяти советские времена: потертый занавес бордового плюша, фанерные стулья с откидными сиденьями, запах пыли, от которого поминутно хотелось чихать... Картину дополняли желтая трибуна с неизменным графином и стол президиума, за которым сидело несколько стариков с медальками. Народу в зале было немного – с полсотни мужчин и женщин, бывших собственников «соток» из снесенного дачного кооператива.

Председатель ветеранской организации постучал ногтем по микрофону и, выждав тишину, произнес:

– Городское собрание ветеранов считаю открытым. У нас в гостях Роман Сергеевич Мандрыкин, представитель дорожно-строительного холдинга «Т-инвест». Несмотря на всю свою занятость, Роман Сергеевич нашел время, чтобы приехать из Москвы и ответить на все ваши вопросы...

Все-таки Мандрыкин не зря работал у Пефтиева заместителем по связям с общественностью: язык у Романа Сергеевича был подвешен отлично. Да и в целевой аудитории он разбирался очень даже неплохо: умел подобрать не только грамотные слова, но и нужную интонацию. А уж таких виртуозных специалистов по вранью и очковтирательству, как Роман Сергеевич, не было даже на «Останкино».

Окинув стариков печальным, проникновенным взглядом, Мандрыкин приложил руку к груди.

– Дорогие ветераны! – с дозированным надрывом вымолвил он. – Позвольте принести вам искренние извинения. Да, так уж получилось, что нажитое вами пошло под бульдозер. Да, так получилось, что картина разрушений причинила вам небывалую моральную муку. Но разве во время Великой Отечественной вы, герои-победители, не жертвовали самым дорогим во имя нашего великого государства? Разве не отказывались от крыши над головой и бытовых удобств ради нашей Великой Победы? Разве не терпели трудности и лишения для будущего счастья ваших детей?

– Так ведь сейчас не война, – несмело напомнил из зала седой старик в старомодном ветеранском пиджаке с муаровыми орденскими колодками.

– Федор Юрьевич! – возвысил голос председатель ветеранской организации. – Не перебивайте. Вам тоже слово дадут. Если найдут нужным...

– Пусть не обижаются на меня дорогие ветераны, но сейчас как раз тоже война. – Теперь заместитель Пефтиева по связям с общественностью перешел на подчеркнуто доверительный тон. – Война за светлое будущее нашей великой Родины. Война с бедностью. Война за лучшую жизнь вашей замечательной области. Ведь современная европейская трасса из Москвы вдохнет новую жизнь в вашу глубинку, создаст новые рабочие места, придаст новый импульс...

Мандрыкин гнал текст в микрофон минут двадцать. Было в его словах нечто завораживающее, словно у опытного психоаналитика или у сказочного кота Баюна. Как ни странно, но очень многие в зале довольно быстро ему поверили.

– Не будем забывать, что взамен ваших дачных участков вам совершенно безвозмездно выделили новые и, кстати, большие по площади, – с придыханием напомнил выступавший. – Что все вы получили денежную компенсацию. Ну а наш дорожно-строительный холдинг также не забыл о вашем ратном и трудовом подвиге... – Закатив звонкую, словно футбольный мяч, паузу, Мандрыкин выдал: – «Т-инвест» решил закупить современное европейское оборудование для ветеранской поликлиники, а также сделать всем вам небольшие подарки. Только ничего не подумайте! Сделано это исключительно из уважения к вам, дорогие наши ветераны! Списки уже составлены, и каждый из вас может получить эти подарки в фойе по предъявлении паспорта...

На этот раз Роман Сергеевич не врал. И оборудование, и подарки действительно были приобретены за счет Пефтиева. Правда, выступавший сознательно умолчал, что стоматологические кресла и томографы, купленные в Германии, уже отслужили свой срок и потому были приобретены по цене металлолома – тратиться пришлось только на покраску, а продовольственные наборы, предлагаемые в качестве подарков, были составлены из продуктов, срок годности которых уже близился к концу.

Председатель ветеранской организации (накануне лично получивший от Мандрыкина пять тысяч долларов и документы на лучший дачный участок) уже шелестел протоколом резолюции – мол, уважаемые ветераны искренне благодарят «Т-инвест» за проявленную заботу и никаких претензий к застройщикам не имеют. Судя по лицам несчастных стариков, большинство было согласно проголосовать за такое решение – ведь лучше получить задарма хоть что-нибудь, чем ничего не получить вовсе.

Однако поставить вопрос на голосование председатель так и не успел...

Неожиданно за окнами грянул взрыв. Стены отозвались тяжелой вибрацией, и в зал водопадом посыпались стекла. В уши не то толкнуло, не то кольнуло, и в пространстве возник тихий комариный звон. Старорежимного вида старушка, сидевшая ближе других к трибуне, удивленно распялила рот... В неестественной тишине послышался ее испуганный шепот: «Ой, мамочка...»

С минуту и Мандрыкин, и прикормленный председатель в президиуме, и собравшиеся находились в состоянии полного ступора. Первым, однако, пришел в себя председатель. Подбежав к окну, он приподнялся на цыпочки и осторожно выглянул наружу.

Розовый «Кадиллак», припаркованный рядом с входом, теперь являл собой бесформенную грудку пылающего железа. Огненные языки штопором закручивались в вечеряющее небо. В трещащем костре силуэт лимузина словно таял, будто кусок рафинада в стакане с кипятком.

Роман Сергеевич, боязливо засеменив к окну, выглянул наружу и побледнел.

– Это Юра Граеров... – убито прошептал он. – Ну, Владлен, ну, сука... И за что же ты меня так подставил?

Лейтенант с сержантом, раскрыв рты, смотрели на полыхающего «американца». Спасти машину уже было нельзя.

– Я ж тебе говорил – не к добру все эти приезжие объявляются. Вызывай оперативников и пожарников. Давненько в наших краях такого не видали, – проговорил лейтенант. – Зря мы с тобой тут останавливались. Теперь бумаг писать не переписать.

Лейтенант обвел взглядом площадь, с досадой щелкнул языком. Мотоциклиста уже нигде не было видно. Наверное, укатил перед самым взрывом. А так бы был вполне пригодный свидетель. Вместо него он зафиксировал взглядом лишь старушку – «божий одуванчик» в клетчатом платке. Она стояла на углу площади с плетеным лукошком, прикрытым мешковиной, и недобро шурилась на охваченную огнем машину. Явно старая карга недолюбливала новых хозяев жизни – тех, кому средства позволяли раскатывать на дорогу «американцах». Еще раз блеснув очочками, старушенция прижала лукошко к животу и засеменила в боковую улицу.

– Сержант, мы ж у него документы так и не спросили. А?

– Не спросили.

– А номер мотоцикла ты хоть запомнил?

Сержант наморщил лоб.

– Так старушенция тоже свидетель, – промолвил он.

– Да ну ее на хрен, с такой связываться, сумасшедшей. Да и что она видела? Только как «Кадиллак» полыхнул. Так таких свидетелей у нас вон – целый «Дом ветерана», – показал он на распахнутые окна, возле которых толпились любопытные старички со старушками.

Спустя минут десять со стороны улицы взвыла полицейская сирена, и на полтона выше – сирена пожарной машины. Вскоре у сожженного, исковерканного «Кадиллака» суетились

менты и эмчезовцы. К счастью, пострадавших не имелось – в такое время на площади перед «Домом ветерана» обычно никого не бывало.

Естественно, злой умысел сомнений не вызывал: лимузины без посторонней помощи обычно не взрываются. Тем более что на стене напротив правоохранители обнаружили граффити, исполненное аэрозольным баллончиком: «Это только начало!»

Вне сомнения, послание это было адресовано не только Роману Сергеевичу Мандрыкину, но и всему дорожно-строительному холдингу «Т-инвест»...

Глава 3

Солнце, казалось, застыло в зените раскаленным шаром. По пронзительно-синему небу неторопливой отарой белоснежных овец медленно проплывали кучерявые облачка. В вышине пронзительно звенели певчие голоса невидимых жаворонков. Но Ларину некогда было рассматривать это великолепие, раскинувшееся над землей. Некогда было вслушиваться в жизнеутверждающие птичьи песни, звучавшие над этой землей и шестьдесят, и сто, и тысячу лет назад.

Андрей бежал по ржаному полю. Спелые колосья царапали руки, желтая солома хрустела под сапогами. Рубашка защитного цвета насквозь пропиталась потом, липла к спине, а Ларин все бежал, не останавливаясь, не оглядываясь, разгребая перед собой ржаное море рукой, в которой сжимал увесистый пистолет «ТТ». Тяжело дыша, Андрей выбрался на пригорок. Рожь тут росла такая же густая, как и в низине. Перед ним открылся идиллический пейзаж. Небольшая на дюжину дворов деревенька, густые сады, сквозь которые проглядывали крыши изб. Песчаный проселок гигантской змеей обвивал деревню и уходил к почти идеально круглому диску озера Чертово Око.

На самом краю поля, подходившего к деревне, женщины в ситцевых платьях граблями ворошили солому. Неподалеку от них в дорожном песке играли дети. От озера к деревне пастух гнал стадо коров, щелкая по земле длинным, как у циркового укротителя, кожаным кнутом. Коровы протяжно мычали, а пастух в широких серых галифе и соломенной шляпе незлобно покрикивал на них. Мимо Ларина, тяжело сотрясая землю, неуклюже проскакал к деревне стреноженный конь, волоча за собой длинную цепь.

То, что погоня совсем близко, Андрей уже ощущал. Ему бы броситься к деревне, пробежать огородами и скрыться в синевшем за садами мрачном еловом лесу. Но Ларин сдержал себя.

«Не спеши, ты слишком оторвался от них. Так не пойдет. Ведь говорили же тебе...»

Андрей обернулся. На пригорок по золотому ржаному полю шел, растянувшись цепочкой, взвод местных омовцев. Бойцы шли грамотно, не спеша. Короткие автоматы без прикладов держали наготове. Все рослые, голубоглазые – прямо истинные арийцы. Продвигались вперед они нагло, как хозяева жизни и этой земли. Рукава форменных рубашек закатаны выше локтя. Недавно покрашенные каски сверкали на солнце.

Андрей дослал патрон в патронник, вскинул «ТТ», прицелился в командира взвода и дважды выстрелил. Но тот даже не пошатнулся – поднял руку и махнул ею, давая команду «огонь».

Застрочили автоматы. Ларин упал в высокую рожь и откатился. На то место, где он только что стоял, посыпались ссеченные автоматными очередями колосья. Андрей приподнялся, высунулся из ржи и еще дважды выстрелил. Громила-командир схватился за плечо. Женщины, побросав серпы, грабли и не связанные в пучки колосья, хватали детей, с пронзительными криками бежали к деревне. По несжатой ржи неуклюже гарцевал не привыкший к выстрелам испуганный конь.

Омовцы приближались. Ларин уже мог рассмотреть их лица. Узнавал их. Ведь это были те самые бойцы, с которыми он вчера мирно беседовал на их тренировочной базе. Получалось очень странно. Вчера он сам тщательно отбирал их, создавая сводный взвод. А вот теперь они же, отобранные им, загнали его по ржаному полю к деревне и пытаются уничтожить. Да, странная штука жизнь.

Андрей расстрелял все патроны. Но омовцам была четко поставлена задача – взять его живым. А потому автоматные очереди ложились рядом с ним. Ларин вытащил из-за пазухи матерчатый сверток, развернул его и вырвал чеку лимонки. Рифленая граната полетела в пре-

следователей. Громыхнул впечатляющий взрыв. Ключья земли, обрывки соломы, каска и чей-то оторванный вместе с ногой сапог взлетели в воздух. Все, больше оружия у Андрея не оставалось. И он, рванув на груди рубашку, пошел навстречу своим врагам. На него набросились сразу двое. Ларину удалось уложить долговязого омовца ударом ноги, но второй уже прыгнул на него со спины. И они оба рухнули в густую рожь...

Омовец остался лежать, раскинув крестом руки в примятой соломе. А Андрей, отстреливаясь из его автомата, уже бежал по полю к деревне, вновь мысленно сдерживая себя.

«Не спеши, не отрывайся. Ведь ты сейчас как та Анка-пулеметчица из фильма «Чапаев». Их ближе подпустить надо. Ближе. Иначе все будет зря. А ведь красиво идут, как на параде, хоть и не интеллигенция», – вновь вспоминая кадры культового фильма, подумал Ларин.

Рослые омовцы и в самом деле приближались впечатляюще – шли в полный рост с высоко поднятыми головами. Прямо-таки сверхчеловеки, которым все позволено. Раненный в плечо командир посмотрел в сторону и, получив условный знак, раскатисто рявкнул:

– Фаер. – А когда его бойцы слегка замешкались, добавил уже тихо и по-русски: – Огнемет давай, мать твою. Ты что, сержант, немецкого языка не понимаешь?

Тугая струя пламени вырвалась из ранцевого огнемета, лизнула рожь – и покатилась огненной волной по полю, гонимая ветром. Вскоре пылала уже вся деревня. В дыму метались коровы, матери с детьми на руках, старики. А местные омовцы, переодетые гитлеровскими карателями времен Второй мировой войны, поливали их из «шмайсеров».

Над местом расправы с партизанской деревней завис операторский кран. Оператор сосредоточенно вел съемку, ведь повторить грандиозную сцену было бы сложно – во всяком случае, очень затратно.

Андрей Ларин, выполнивший в этой сцене роль каскадера вместо амбициозного и дорогого актера – главного героя, уже незаметно выбрался из ржи и стоял возле Владимира Рудольфовича Карпова – режиссера фильма с многообещающим названием «Огненный крест».

Карпов сидел в раскладном походном кресле, на матерчатой спинке которого было вышито серебряной нитью слово «режиссер». Маэстро от кинематографии было уже далеко за шестьдесят: грузный, по-благообразному седой, в замшевом пиджаке, обрюзгшую шею маскировало белоснежное кашне.

Как Ларин оказался на съемочной площадке, да еще в роли партизанского командира, которого преследуют каратели-нацисты? Да так же, как и всегда – Павел Игнатьевич постарался. Уж на какие рычаги надавил Дугин, какой грех числился за знаменитым режиссером, Андрей не знал, да и не положено ему было этого знать. Возможно, маэстро от кинематографии попался на финансовых махинациях; возможно, в развеселой артистической компании попробовал наркотики. Или же застукали его в постели с несовершеннолетней... Дугин часто практиковал такое – брал провинившегося на крючок, вербовал, а потом использовал в целях тайной организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти.

Так или иначе, но Карпов даже не подумал отказываться, когда люди Дугина предложили ему принять в съемочную группу Андрея Ларина. Официально оформлен он был в качестве линейного продюсера натурных съемок. Военно-исторический фильм был масштабным, с батальными сценами, а потому и существовала такая должность. Другой линейный продюсер обеспечивал студийные съемки. Кто такой Ларин и зачем он появился в группе, Карпов, конечно же, не знал и старался об этом не думать.

Расчет же Дугина был таков: заслать своего агента Ларина в те места, где ведется строительство новой федеральной трассы, и дать ему надежное легендирование – так, чтобы ни у кого из фигурантов не возникло и тени подозрения. Должность линейного продюсера съемочной группы знаменитого режиссера как нельзя лучше подходила для этих целей. Ведь линейный продюсер – это тот, кого в советские времена называли директором фильма. В обязанности его подразделения входит обеспечивать съемку всем необходимым. Взбредет, скажем, в

голову режиссеру ввести в кадр стадо ослов-альбиносов – вот линейный продюсер и должен разбиться в лепешку, отыскать к завтрашнему утру тех самых белоснежных ослов или, в крайнем случае, побелить обычных при помощи краскопульта.

Новый линейный продюсер пришелся ко двору. Карпов, как знаток человеческих душ, сразу почувствовал в Ларине человека волевого, настойчивого, умеющего добиваться поставленных целей любыми средствами. Не укрылась от него и хорошая физическая подготовка Андрея. Именно поэтому он и предложил ему поучаствовать в съемках на площадке перед объективом камеры в качестве дублера. Эпизод был сложный, физически изматывающий: бег по полю, стрельба, огонь, дым, рукопашная схватка с противником. Исполнитель главной роли, звезда российского уровня Федор Белый, излишне злоупотреблял и спиртным, и сигаретами, чтобы сгодиться для подобных трюков. А Ларин был с ним примерно одной комплекции и даже отдаленно похож чертами лица. Поэтому слегка подгримированный вполне мог на общих планах сойти за знаменитого актера – любимца домохозяек...

– Ну как, Владимир Рудольфович? – поинтересовался Андрей, отряхивая партизанскую рубашку от прилипшей пыли. – Не думал, что так тяжело в сапогах бегать.

– Гениально, – пафосно произнес маститый режиссер, разглядывая циклопическую сцену полыхающей деревни. – Потом отдельными планами-крупняками доснимем Федора Белого, как он нациста душит в спелой ржи. Огонь на компьютере дорисуем. У меня спец по компьютерной графике есть, что хочешь нарисует. А за карателей тебе, Андрей, особая благодарность. Мой ассистент-бездарь никак не мог мне настоящих карателей подыскать, неделю кастинг проводил. Упырей каких-то с вурдалаками сладенькими приглашал, а не карателей. А ты сразу понял, что требуется...

– Так где же, Владимир Рудольфович, истинных карателей искать? Только в нашем российском ОМОНе, больше нигде. Только там они целыми стаями водятся.

Режиссер Карпов мечтательно вздохнул, глядя на то, как омовцы, переодетые нацистами, строчат из автоматов по мирным жителям и безобидным коровам.

– Ты в их лица, Андрей, взглядишь. Такое желание убивать и калечить сыграть невозможно. Их крупным планом снимать надо. Даже Станиславский поверил бы.

Стрела крана еще раз проплыла над проселком. В мелком желтом песочке лежали, распластавшись, «застреленные» дети, женщины и старики. Дергалась корова, которой местный ветеринар вколол недостаточно снотворного. Оператор со своего крана показал знаками режиссеру, что эту часть съемок он уже окончил и можно переходить к огненной феерии.

– Крест поджигай, крест! – нутужно крикнул режиссер в мегафон.

Омовец-каратель с ранцевым огнеметом подбежал к придорожному кресту, увитому бумажными цветами, и хищной улыбкой направил сопло своего оружия на символ христианской веры. Над ними завис операторский кран. Огнемет плюнул огнем. Пламя тут же охватило глубоко пропитанный соляжкой и обмазанный солидолом крест.

– Гениально, – шептал Владимир Рудольфович. – Вот все говорят – Коппола, Коппола, носятся с ним... А я круче Копполы. Ему такое никогда не снять.

– Ну конечно же, – подтвердил Ларин. – Американскому продюсеру и в голову не придет нашего омовца на съемочную площадку приглашать. Это же какой блеск в глазах, какое выражение счастья у него на лице!

– Полностью с тобой согласен. Коппола – первоклассник по сравнению со мной. Я круче, – самодовольно заявил маститый режиссер и поднес к губам мегафон. – Ветродуи сюда, ветродуй!

Двое рабочих уже катили к пылающему кресту работающий ветродуй – огромный, размером с самолетный пропеллер вентилятор, забранный в решетчатый кожух. Еще двое рабочих подтаскивали следом толстый прорезиненный кабель, идущий от лихтвагена. Да, не зря расспрашивал Андрей сержанта и лейтенанта дорожно-постовой службы о наличии в здеш-

них местах деревни, где даже электричества не найдешь. Ведь нельзя же, чтобы современные бетонные столбы ЛЭП попали в кадр сцены тысяча девятьсот сорок второго года.

Стремительный поток воздуха погнал по дороге пыль. Статисты, изображавшие трупы, морщились, но не имели права закрывать лица руками. Разогнанный ветром огонь вспыхнул с новой силой. Гудящее пламя буквально клочьями срывалось с горящего креста.

– Гениально, – повторил свое любимое слово режиссер, но тут же недовольно поморщился.

Находившаяся за крестом горящая изба внезапно качнулась и рухнула на дорогу, прямо в кадре выдав то, что она не сложена из бревен, а сбита из тонких разрисованных декоратором листов фанеры.

– Какое шило! – Режиссер вертел головой.

С другими избами происходило аналогичное. Ведь в этих живописных местах на месте бывшей деревни изб уже не стояло – пришлось сооружать их на скорую руку из картона и фанеры.

Режиссер уже хотел остановить съемку, но оператор знаками показывал ему, что снимает пока крест крупным планом и «шило» с избами в кадр не попадает.

– Ветра побольше, ветра! – кричал Карпов в мегафон. – Ведь это не просто ветер, это ветер истории, который сперва раздувает мировой пожар, а потом уносит всякий мусор с нашей земли.

Подобный пафос Ларин не любил. Но, в конце концов, режиссер на площадке – главный. Ему и решать, кого и кто символизирует.

Рабочие выставили ветродуй на максимум – и стремительный ветер снес в сторону живописный дым, наплывавший с подожженного ржаного поля. И тут из этого дыма прямо к пылающему кресту под объектив камеры вынырнул до неприличия современный, блестящий новеньким желтым лаком «Хаммер». Угрожающих размеров джип резко затормозил, чуть не воткнувшись бампером в ветродуй.

– Ёпсь... – вырвалось у режиссера. – Какая сука пропустила этих мудаков на площадку?

Рабочие, поняв, что съемка прервана, даже без команды режиссера остановили ветродуй. Из джипа выбралась пестрая тройца: гламурного вида Владлен Николаевич Пефтиев, Роман Мандрыкин и рыжеволосая бестия Ася Мокрицкая. Последняя держала в руках стаканчик с крышкой и сосала через толстую соломинку ярко-оранжевый сок. Утолив жажду, она оторвалась от соломинки, чувственно облизала губы и, разглядывая пылающий придорожный крест, восторженно произнесла:

– Вау, кресты жечь – это прикольно.

Зная взрывной характер самовлюбленного маэстро Карпова, Ларин ожидал вспышки гнева. Расправа с наглецами, помешавшими съемкам, испортившими финальные кадры, могла быть ужасной. Андрею даже показалось, что сейчас Владимир Рудольфович прикажет омовцам-карателям испепелить их вместе с машиной из огнемёта. Но режиссер почему-то медлил – он молча смотрел на Пефтиева. Тот, в свою очередь, пялился на режиссера.

– А что, мы разве помешали? – проворковала Ася и вновь припала к толстой соломинке.

– Нет, помогли, – буркнул Карпов.

– А! Рома, помнишь, там же на въезде еще мент стоял? – сказала рыжеволосая Мокрицкая, обращаясь к Мандрыкину.

– Ну, помню. Он мне еще палочкой полосатой махал. Но не буду же я из-за этого останавливаться, хотя он и молоденький такой, смазливенький...

– Он вас остановить хотел. – Ларин уже понимал, что судьба сама свела его с подопечными. – Вы и в Москве так ездите?

Мандрыкин стыдливо потупил взор.

– И в Москве случается.

Ася Мокрицкая несколько раз взмахнула длинными, как сосновые иголки, ресницами и уставилась на Ларина.

– Так тут кино снимают? – наконец-то догадалась она.

– Именно что кино, гламурная вы моя, – произнес Андрей. – И вы, кстати, все испортили. Даже не знаю, почему уважаемый Владимир Рудольфович до сих пор медлит с тем, чтобы вас всех вздернули на этом старом дубе.

– Так вы... тот самый, – с придыханием произнесла Ася, – Федор Белый? Живой? Можно вас потрогать? – И она, не дожидаясь разрешения, коснулась пропитанной потом рубашки Ларина.

– Не совсем. Я дублер. Меня под него загримировали. Но играем мы одного и того же героя.

Пефтиев расплылся в радостной улыбке, глядя на режиссера.

– А вы сам знаменитый Карпов? Владимир, Владимир... – И Пефтиев защелкал пальцами.

– Владимир Рудольфович, – подсказал маститый режиссер.

– Какая честь. Вот уж не думал, что нам придется встретиться здесь. А я-то стою и гадаю – откуда мне ваше лицо знакомо? Я же все ваши фильмы смотрел. Очень правильные, патристичные. Чувство гордости за нашу многострадальную родину рожают. Американцам такого никогда не снять...

Карпов не стал рисковать и спрашивать, какой из его фильмов больше всего нравится Пефтиеву. Вряд ли бы тот припомнил названия. Он лишь заулыбался в ответ. Покладистость кинорежиссера объяснялась просто. Он тоже узнал Пефтиева, хоть и видел живьем его впервые. Но у киношников взгляд на лица цепкий. Было достаточно Пефтиеву в последние полгода мелькнуть несколько раз на экранах телевизоров, в газетах и журналах в связи с постройкой новой федеральной трассы, как Карпов чисто автоматически занес его образ в свою мозговую картотеку – как одного из очень богатых людей.

К богатым у режиссеров очень трогательное отношение. В каждом из них они видят потенциального инвестора, способного вложить деньги в производство очередного фильма, вот и охмуряют их всеми доступными способами. Обычно для этого привлекают актеров-кинозвезд. Ведь и богатеи желают погреться в лучах их артистической славы. Обычно сперва разговор ведется о не очень большой сумме, вполне подъемной. Но кино – дело такое, что, начав производство, его уже невозможно остановить. Скажем, вложен миллион, но оказывается, что эти деньги быстро и безвозвратно потрачены, а материала снято только на треть. И начинает действовать принцип «коготок увяз – всей птичке пропасть». Теперь уже режиссер беззастенчиво раскручивает инвестора на все новые и новые вливания. В результате на съемки уходит три миллиона «зеленых», а кинопрокат вместе с телепоказами и продажей компакт-дисков вернут от силы миллион-полтора. Именно поэтому, из-за возможных инвестиций в киноиндустрию, Карпов решил не поднимать скандал, а попытаться расположить к себе Пефтиева.

Маэстро стал улыбочив – прямо-таки засветился изнутри. Он поднес мегафон ко рту и милостиво проинформировал своих киноподданных: всю съемочную группу:

– Пока перерыв на час. А там посмотрим.

И Пефтиеву, и Мандрыкину, и тем более Асе раньше не доводилось бывать на съемочной площадке. А потому их прямо распирало от любопытства. К тому же перед ними был настоящий динозавр отечественного кинематографа – сам Владимир Рудольфович Карпов, лауреат многочисленных премий, победитель кинофестивалей, в его фильмах снялись почти все звезды. Правда, такие успехи по большей части объяснялись не исключительными талантами режиссера, а его умением налаживать контакты с нужными людьми, входить к ним в доверие. Что-что, а это Карпов умел лучше других коллег по цеху. То пригласит на роль второго плана бездарную актрисочку – любовницу важного человека из администрации, то снимет

в эпизоде умильную внучку вице-премьера... Короче, в арсенале Владимира Рудольфовича имелось бесчисленное количество совсем не затратных способов задобрить людей, от которых зависит финансовое вливание в кинематограф.

– Монитор ко мне, – распорядился Карпов и тут же дружелюбно улыбнулся Пефтиеву. – Я смотрю, вам интересно, так что можете задержаться, если хотите.

– А мешать не будем? – Владлен Николаевич оттаял душой, а потому стал чрезвычайно вежливым и предупредительным.

«Кажется, клиент уже на крючке», – с удовлетворением подумал Карпов, а вслух произнес:

– Что вы, какое мешать? Мне всегда интересно обкатать снятый материал на человеке со стороны. Согласитесь, кинематограф – это всегда магия, волшебство. Вроде бы снимаешь все, что может происходить и в реальной жизни, а потом получается чудо. На монтажном столе возникает произведение искусства.

Перед Карповым на низкий столик поставили монитор. Оператор уже вставлял кассету с отснятым за сегодня материалом. Услужливая девчушка-администратор тут же воткнула за спиной режиссера в землю огромный пляжный зонтик. С Карповым обходились, как с арабским шейхом – не хватало только темнокожего холуя с опахалом из страусиных перьев.

– А вы в самом деле дублер Белого? – Ася держалась поближе к Ларину. – Или из скромности наивную девушку обманываете?

– Слава меня не тяготит, – уклончиво ответил Андрей.

– Вау, как интересно.

Карпов шурился на монитор и бросал короткие реплики ассистентке. Та записывала каждое его слово в блокнотик. Так секретари императоров и полководцев фиксировали каждое слово своих хозяев.

– От третьей с половиной минуты до седьмой все супер. А вот с седьмой по десятую выбросить в корзину. Можно даже пленку не проявлять, – веско бросал Владимир Рудольфович, отбирая пригодный материал, при этом сам делал пометки в режиссерском сценарии.

Пефтиев, Мандрыкин и Ася прониклись важностью момента. При них творилось искусство.

– И какую часть фильма вы сегодня сняли? – поинтересовался Пефтиев.

Карпов снисходительно улыбнулся и загадочно произнес:

– А вы сами как думаете, уважаемый Владлен Николаевич?

– Минут десять, наверное.

– Материала у нас отснято двадцать пять минут с трех камер. А в фильм войдет всего две с половиной минуты. – Карпов маркером отчертил две линии в режиссерском сценарии. – Вот так-то. Каторжный труд. Это как алмазы или крупинки золота добывать, перебивая тонны пустой породы. А съемочная смена, между прочим – такая, как сегодня, – обошлась чуть меньше шестидесяти тысяч долларов. Вы же сами понимаете: гонорары актерам, зарплата группе, постройка декораций, массовка, пожарникам заплати, полиции за то, чтоб съемочную площадку оцепили и никого не пускали... Одной ржи полгектара сожгли.

– Очень извиняюсь, что мы прямо под камеру въехали. Надо было полицейскому не палочкой махать, – Пефтиев покосился на Мандрыкина, – а пистолет вынуть и посреди дороги стать. Тогда даже мой заместитель притормозил бы.

– Ладно, бывает, – проворчал Карпов и поднял ладонь, показывая, чтобы ему не мешали. На экране проплывали планы горящих изб.

– Какое шило, какое шило!.. Нет, это в фильм ставить нельзя. Сразу видно, что это не настоящая русская изба, на века поставленная, пылает, а дурилки картонные, карточные домики. Нет-нет, эти планы придется переснимать. С ними мне «Оскар» не светит.

– А у вас сколько «Оскар» уже есть? – с придыханием поинтересовалась Ася.

Карпов протяжно вздохнул и покачал головой.

– Интриги, интриги... Талантливым русским людям все завидуют на гнилом Западе. Всегда буржуи обходили меня с этой премией, – Карпов соорудил мужественное лицо и убежденно произнес: – Но я, дорогие мои, еще подышу на «Оскара». – И Владимир Рудольфович очень талантливо изобразил, как дышит на невидимую статуэтку, а затем полирует ее рукавом замшевого пиджака. – А у вас, девушка, внешность очень кинематографическая.

– Вы так думаете? – оживилась Ася.

– А вот горящий крест еще отлично смотрится. Великолепная находка, – вставил Мандрыкин, который из-за своей сексуальной ориентации считал себя продвинутым в вопросах искусства.

– Хорош символ. Просто гениальный, – не удержался и вновь похвалил сам себя Карпов. – В сценарии этого не было. Сам придумал, приснилось мне ночью. А до этого целую неделю в депрессии ходил – понимал, что финальной точки нет в сцене. И вот ночью сатори на меня снизошло.

– Что-что? – не понял Пефтиев.

– Сатори, – повторил Карпов. – Ну, это у японцев так просветление называют.

– А, теперь понятно. Просветление, значит...

На экране монитора появились финальные кадры. Из дыма возле пылающего костра выехал бездуховно огромный и дорогой «Хаммер». Каратель-нацист, поливавший крест из огнемёта, покосился на машину, словно раздумывал – а не поджечь ли и ее? Именно в таком виде и застыл на экране стоп-кадр.

– Кое-что подправить можно. На компьютере немного тумана подпустим, карателей размножим, а то маловато их как-то. Масштабности не хватает. Вот только горящие избы надо будет переснять. На общих планах еще ничего, когда вся деревня горит. А крупняки – полный отстой. – Карпов повернулся к Ларину, который все еще был одет партизанским командиром. – Значит, так, Андрей, отыщешь мне к завтрашнему дню парочку довоенных изб. купишь их, только чтоб никакого шифера. Соломой должны быть крыты или тесом. Будь готов, чтобы их разобрали и привезли на площадку. Тут сложим и подожжем. Я уже вижу, как они в кадре на закате дня углями рассыпаются. Ты понимаешь, вижу.

– Сделаем, Владимир Рудольфович, – пообещал Ларин и, тут же поискав глазами одного из карателей-омоновцев, подозвал к себе.

Андрей прекрасно знал, что городские в ОМОН служить не идут. Обычно туда заносит сельских парней после армии, которым неохота возвращаться в родные деревни.

– Знаешь, где поблизости пара нежилых изб стоит, старых, до войны построенных? – спросил он.

– У нас в деревне есть. Только хозяева у них имеются, в городе живут. Если надо, я с ними договорюсь – за хорошие деньги уступят, – охотно предложил свою помощь в том, чтобы сжечь часть родной деревни, страж порядка, переодетый гитлеровским карателем.

– За хорошие – это сколько? – прищурился Ларин, ведь по должности ему полагалось экономить бюджет фильма.

И тут вмешался Пефтиев:

– Владимир Рудольфович, все-таки не зря меня вам бог послал. Избы не проблема. Этого добра могу предоставить столько, что даже хватит снять пожар Москвы тысяча восемьсот двадцатого года, и абсолютно бесплатно.

– И каким это образом? – удивился режиссер.

– Мы же дорогу в здешних местах строим. Дома десятками под снос идут. Могу лично показать – будет из чего выбрать.

– Как-то неудобно вас напрягать, вы ведь человек занятой, – засомневался Карпов, но от самой услуги не отказывался. – Может, поручите помощнику своему...

– Мне будет приятно оказать услугу отечественному кинематографу. Так сказать, войти в вечность. Потом будем с друзьями фильм смотреть, и я скажу: а вот эти избы Карпову я предоставил. Ну и вы в интервью каком-нибудь меня добрым словом помянете. Бесплатная реклама получится.

– Похвально, похвально. Вы меня сильно выручите, – расплылся в улыбке Владимир Рудольфович, прочувствовав, что Пефтиев попался – увяз тот самый коготок, из-за которого может пропасть вся птичка.

Не зря же существует термин «человек, отравленный искусством». И Пефтиев им «отравился», соблазнился прикоснуться к вечности.

– Вы никогда не участвовали в финансировании кинопроизводства? – осторожно спросил Карпов.

– А что – прибыльно? – прищурился Владлен Николаевич.

– Прибыль прибыли рознь, – расплывчато пояснил Владимир Рудольфович. – Пусть вам мой линейный продюсер все объяснит, если вы не против. Он специалист. Андрей, можешь говорить абсолютно открыто. А я пока соберу команду, потом вместе поедем избы смотреть. – Режиссер решил не откладывать дело в долгий ящик.

Ларин с Пефтиевым прогуливались по песчаному проселку. Пожарники, обслуживающие съемки, гасили догорающие декорации, подогнав машину и забросив в озеро шланг-кишку. Омоновцы, переодетые карателями, умывались в озере. Жнеи из массовки, расстелив на траве скатерти, выставляли снедь, термосы, кормили детей. Технический персонал попивал кофе, закусывая бутербродами.

– ...Владлен Николаевич, – открывал элементарные тайны кинопроизводства Ларин, – Карпов абсолютно правильно заметил, что прибыль прибыли рознь. И вы, как крупный бизнесмен, с этим наверняка сталкивались. Скажем, прибыль может быть легальной: деньги на счетах, их происхождение легко объяснить, и налоги с них уплачены. Такая прибыль в радость и в пользу. А есть другая прибыль...

– Черный нал, – ухмыльнулся Пефтиев. – Незаконные схемы, взятки, откаты...

– Вот именно, – согласился Ларин. – И вот таких денег в России, происхождение которых владелец сможет объяснить только под пытками, чуть ли не половина. И если «каждый охотник желает знать, где сидит фазан», то каждый бизнесмен, если хочет спокойной жизни, желает перевести «черные» деньги в «белые». Если помните, была в начале девяностых такая телевизионная реклама одного из первых российских частных банков: «Из тени в свет перелетая».

– Как же, помню, – заулыбался Пефтиев. – Неприкрытая реклама подобных услуг.

– Слоган они, кстати, взяли из классической поэзии. Это Тарковский-старший написал, который поэт, его стихи про бабочку. А сын его – гениальный кинорежиссер. Вы его фильмы любите?

– Слышал о нем, – честно признался в своей необразованности Владлен Николаевич. – Но посмотрю обязательно. Ведь если вкладываться в киноиндустрию, то нужно знать процесс изнутри.

– Абсолютно справедливо... Ну, так вот, честно должен вас предупредить – на самом деле кино настоящей прибыли не приносит. В российских условиях фильм стоит всегда дороже, чем потом можно выручить с его продажи.

– Но, тем не менее, серьезные люди вкладываются в кино. Не из чистой же любви к искусству, – наморщил лоб Пефтиев. – В чем же прикол?

– А прикол в том, что кинопроизводство – это огромная стиральная машина для денег.

– Каким же образом? – По тону стало понятно, что этот вопрос Пефтиеву безразличен.

– Четыре пятых всех расчетов в кинопроизводстве, – уверенно вещал Андрей, – производится наличными деньгами прямо на месте. Скажем, сегодняшняя массовка. Наш кассир всем участникам раздаст деньги прямо из мешка. То же касается расчетов за аренду транспорта,

жилья, расчетов со сценаристами, актерами... Короче, по бумагам проходит лишь малая часть денег. В результате фильм оказывается снят чуть ли не за копейки.

– Но в то же время, – Пефтиев уже просекал фишку, – его владельцем становится инвестор – тот, кто вложил в него черный нал и малую толику белых денег.

– Конечно, – согласился Ларин. – И потом он имеет право абсолютно легально продавать его кинопрокату, телевизионным каналам... И заметьте, Владлен Николаевич, все вырученные деньги уже абсолютно легальные, в отличие от вложенных. Вот так они и перелетают «из тени в свет». Мол, повезло, хороший фильм получился, его охотно и за большие деньги покупают. Такая вот стиральная машина для грязного бабла. По такой схеме работает и большинство частных галерей, торгующих живописью. Покупают картину за сто долларов, а потом через кассу проводят, будто ее приобрел за десять тысяч какой-то неизвестный покупатель. Потом налоговая полиция ищи этого покупателя – не найдете. А деньги через кассу уже отмыты. Заплати с них налоги и спи спокойно.

– Интересно, интересно, – приободрился Пефтиев. – Точно вам говорю – не зря нас судьба свела.

– Вот и я так считаю, – улыбнулся в ответ Андрей.

– Я подумаю. И, возможно, наше сотрудничество станет долговременным, – пообещал Владлен Николаевич.

Ларин с Пефтиевым дошли до озера и повернули назад. Судя по всему, группа для выезда уже была готова. На песчаном проселке стояли съемочные машины, «пожарка». Ася с Мандрыкиным зачарованно слушали знаменитого режиссера. Тот говорил эмоционально, размашисто жестикулировал, но слов Ларину не было слышно – их сносил ветер.

* * *

Поджог гламурного «Кадиллака», принадлежавшего Мандрыкину, стал, конечно же, для провинциального городка событием эпохальным. Естественно, подключились следователи. Быстро выяснилось, что поджог был организован подручными средствами. Так что версия владельца о том, что на его собственность покушались бандиты, подверглась сомнению. Просто кто-то сумел незаметно подсунуть в колесную арку поближе к бензобаку бутылку с горючей смесью. В пробку был вставлен подожженный фитиль – этаким примитивный замедлитель. Длина фитиля, скорее всего, была отмерена таким образом, чтобы машина полыхнула раньше, чем в нее сядет Мандрыкин. Кто и когда успел подсунуть «адскую бутылку», так и не было выяснено. Единственные, кто могли хоть что-то припомнить, хотя и не находились возле машины с самого начала ее пребывания на площади, были лейтенант и сержант дорожно-постовой службы. Они дали показания, что видели рядом с «Кадиллаком» мотоциклиста в кожаной куртке и в шлеме с зеркальным забралом. Из номера транспортного средства сержант запомнил лишь две цифры, да и то не мог с уверенностью сказать, в каком порядке они были расположены. О старушке с лукошком главные свидетели упомянули вскользь – мол, видели ее, с любопытством смотрела на пылающую машину. Так ведь и десятки других стариков пялились на невиданное в их краях зрелище. Даже в Москве не каждый день коллекционные «Кадиллаки» поджигают!

Поджог поломал планы не только местной полиции. Общее собрание членов дачного кооператива «Ветеран» оказалось сорвано. Итоговую бумагу, ради которой Мандрыкин и приехал, так и не приняли. И виноват в этом был по большому счету сам заместитель главы дорожно-строительного холдинга «Т-инвест». Зрелище исчезающей в огне любимой машины так его расстроило, что он позабыл о своих обязанностях. И старички благополучно разошлись, прихватив с собой продуктовые подарки. Правда, сам Мандрыкин никак не связывал поджог с попыткой сорвать собрание. Он был уверен, что это уголовник Граеров сводит с ним таинствен-

ные счета. Но точный ответ на вопрос, почему в тот день полыхнула именно машина заместителя главы холдинга, мог дать только тот, кто сунул в колесную арку «Кадилака» бутылку с горючей смесью и точно отмеренным тлеющим фитилем...

Солнце уже перевалило через зенит и катилось к синеющему на горизонте лесу. В воздухе густо пахло подсохшей травой, по-прежнему в небесной выси заливались невидимые жаворонки. Им вторили бесчисленные кузнечики.

Двое старых людей, бывший партизан Федор Юрьевич Новицкий и Анна Васильевна Протасеня, неторопливо подымались на высокий холм, поросший сухой травой и дикой клубникой. В руках старушка держала плетеное лукошко.

– Ты это, Васильевна, лучше не оборачивайся. Сердце себе не надрывай, – посоветовал ветеран своей спутнице.

Совет был к месту. С высоты, если обернуться, можно было увидеть наполовину уничтоженный дачный поселок.

– Не спешил бы ты так, Юрьевич. – Пенсионерка приложила ладонь к сердцу. – Во стучит, словно из-под ребер вырваться хочет. Это у меня стенокардия от волнения. А ты мужик еще крепкий. Другие в твоем возрасте или из больниц не выбирают, или вообще землю кладбищенскую парят.

– А ты сядь, передохни. Земля здесь сухая, сыростью не натянет... – Крепкий еще старик помог пенсионерке опуститься на сухую траву.

– Хороший ты человек, Юрьевич, приютил меня. Ведь я теперь совсем без дома.

– А что, и квартиры у тебя нет? – прищурился Новицкий.

– Была, – вздохнула старуха, – была да сплыла. Сыну я ее оставила. Тот женился, невестку прописал. А потом в тюрьму угодил. Живут там теперь совсем чужие для меня люди, – не желая продолжать тему, махнула рукой пенсионерка и хлопнула носом. – Вот и получается, жить мне теперь по чужим людям или в дом для престарелых определяться.

– Не бойсь, Васильевна, прорвемся. Я человек бывалый. – Бывший партизан неторопливо нарвал букетик полевых цветов.

Старуха отдышалась, кряхтя, поднялась, и вновь они зашагали по еле видимой тропинке к вершине холма.

– Невнимательные мы все друг к другу. Живем рядом, встречаемся, а ничего-то о соседях не знаем. Вот я только сейчас, когда эти дорожки чертовы приехали, и узнала, что ты в партизанах был. Ты же раньше никогда медали не надевал, не рассказывал...

– А чего рассказывать? Что было, то было. И медалями по будним дням нечего звенеть. Я их только на День Победы и надеваю.

Старики вышли на верхнюю площадку холма. Она была довольно обширной, по центру виднелся кирпичный обелиск со ссыпавшейся местами штукатуркой. К нему была прикручена прямоугольная плита из нержавеющей стали с неумело выгравированными буквами: десять фамилий и дата внизу – тысяча девятьсот сорок второй. Венчала обелиск пятиконечная красноармейская звездочка. Метрах в двадцати от скромного военного памятника виднелся брезентовый навес над археологическим раскопом. Стояли палатки. Молодые люди – студенты-волонтеры, просеивали выкопанную землю через проволочное сито, отбирали находки: черепки, кости...

Новицкий не по годам легко нагнулся и положил букет полевых цветов к подножию обелиска.

– Я часто сюда прихожу. Все они, наши бойцы-партизаны, тут и лежат. Немцы их расстреляли. Вот вместо них и доживаю чужой жизнью, – проговорил бывший партизан.

– Это ж сколько годков тебе тогда, Юрьевич, было? – спросила Протасеня.

– Четырнадцати еще не стукнуло. Я самый молодой в отряде был. Меня «железку» подрывать с собой не брали – берегли. Я тол из неразорвавшихся снарядов и мин выплавлял. Ножовкой кончик спилишь – и в печь растопленную. Тол, он легко, как воск, плавится. По

жестяному желобу я его уже в бак принимаю. Он, когда горячий, то словно изнутри светится. А сверху по нему такие тени, ну, как на полной луне бывает в ясную погоду, плавают. Вот я плавил тол, смотрел на эти тени и, как мальчишка, всякую чушь себе придумывал. Вроде как мультфильмы из сказок. Не поверишь, Васильевна, за войну я больше шести тонн тола выплавил. Никакому бен Ладену такое и не снилось. Не один фашистский состав наши ребята этим толом под откос пустили, не один полицейский участок на воздух подняли...

– Значит, они все здесь. – Васильевна показала на землю. – А ты-то как уцелел?

– Говорю же, жалели меня старшие товарищи. Когда немцы карательную операцию начали, то лес наш и окружили. У нас схрон для оружия и взрывчатки был – надежный, под землей устроенный, битком набит и замаскирован надежно, пройдешь по нему и даже не заметишь. Командир приказал мне, как несовершеннолетнему, туда спрятаться. А сами ребята бой приняли. Их раненых десять человек в плен захватили. Мертвых каратели по деревьям развесили: кого за шею, кого за ногу... чтобы воронье их клевало. И местным запретили снимать тела, чтобы все знали, что с партизанами случается. А раненых вот тут вот, на Шараповой горе, и расстреляли. Никто из них нашего схрона так и не выдал, хоть немцы обещали в живых оставить, если скажут. Вот так и уцелел я. – Старик вздохнул, поправил цветы. – Думал, по осени пирамидку оштукатурить, в порядок привести...

Бывший партизан обернулся – неподалеку от него стояли молодые люди: студенты-археологи и их преподаватель-руководитель.

– Копаете? – спросил Новицкий.

– Копаем.

– Вы только ребят моих не потревожьте, – указал он взглядом на обелиск. – Памятник мы уже после войны ставили, по памяти, когда все уже травой поросло. Точного места никто не помнит.

– Не потревожим. Мы не столько лопатой, сколько кисточками и скальпелем работаем. Каждый черепок от песка отделяем.

– Ну и нашли что-нибудь ценное?

Преподаватель улыбнулся:

– Если вы о золоте и драгоценных камнях говорите, то нет. В археологии такие находки редко встречаются. А вот историческую ценность ваша Шарапова гора имеет. На ней в раннем Средневековье, оказывается, поселение викингов было.

– А почему вы так считаете? – спросил Новицкий.

– На костях, черепках мы скандинавские руны нашли. Это, кстати, научная сенсация. Раньше считалось, что викинги в здешних краях постоянных поселений не основывали.

– Ой, я мало что в этом понимаю, – призналась Васильевна.

– А я кое-что читал. До развала Союза постоянно журнал «Знание – сила» выписывал. Они об археологии много писали. – Седой старик даже распрямил грудь, расправил плечи. – Так что вы уж смотрите, товарищи археологи, ребят не обижайте. – Он вновь глянул на памятник. – Их покой тревожить нельзя. Отвоевали они свое. – И тут же абсолютно неожиданно, но вместе с тем и абсолютно естественно ветеран сменил тему: – Подзаработать на каникулах решили? Много хоть платят? – глянул он на студентов.

– Какое заработать? – рассмеялась белобрысая девчушка. – Мы все здесь волонтеры, ради науки бесплатно работаем.

– Ну вот, видишь, Васильевна, зря ты на современную молодежь наговариваешь – мол, или наркоманы-пьяницы, или в полиции служат.

– Так я что ж, я ж ничего... – засмушалась старуха.

– Ладно, Васильевна, пошли назад. Не будем людям мешать работать. У каждого свое дело. Вот мне сегодня надо еще огород прополоть.

– Какое прополоть, Юрьевич? – запричитала пенсионерка. – И твой дом скоро сломают, и по грядкам твоим трактор гусеницами проездит – ничего не останется.

– Пошли, пошли. – Ветеран приобнял спутницу за плечи и повел вниз с холма.

Теперь уже не рассмотреть разрушения в поселке было невозможно – он расстился внизу. Старая женщина вглядывалась в то, что осталось от ее участка: пара поломанных яблонь и куча строительного мусора. Лишь чудом в дальнем углу уцелел цветник.

– Ой, глупая я была, глупая, – призналась Васильевна. – Муж-покойник предлагал мне дом из деревни бревенчатый перевезти и сруб сложить. А мне все чего-то нового, модного хотелось. Вот и уговорила его кирпичный поставить, чтобы на века было – детям и внукам. А теперь что? Муж в земле, сын в тюрьме. Был бы дом из бревен – разобрали б, перевезли. Новый участок хоть и далеко дали, но все же земля есть. Хватило б компенсации мне мужиков для работы нанять. А с этой кучей битых кирпичей что мне теперь делать?

– Кто ж знал, что оно так случится, – успокаивал Васильевну Новицкий, а затем вдруг напрягся и недобро прищурился.

– Ты чего, Юрьевич?

– Снова гости к нам пожаловали. Ох, не к добру...

По проселку со стороны леса к дачному кооперативу пылила автомобильная колонна, во главе которой нагло блестел свежим лаком желтый угловатый «Хаммер». Следом тянулись киношные машины, «пожарка» и омовский автозак.

Глава 4

Пестрый кортеж, начинавшийся «Хаммером» и заканчивающийся автозаком, принадлежавшим местному ОМОНу, вкатил в дачный кооператив «Ветеран». Громоздкие машины нагло продвигались по узким проездам. Высокая будка автозака ломала ветви яблонь, груш. Немногочисленные обитатели поселка с тревогой посматривали на пришельцев. Колонна съехала в низину и остановилась неподалеку от дома, расположенного чуть на отшибе от поселка, возле пожарного водоема.

Дом был бревенчатый, срубленный еще до войны и перевезен в поселок одним из членов кооператива. Хозяин, приставив стремянку к стене, макал кисточку в краску и старательно нумеровал бревна – собирался вскорости разобрать сруб и перевезти его на новое место.

Из джипа выбрались Пефтиев с Карповым и сразу двинулись к дому. Режиссер уже складывал из пальцев воображаемую рамку кадра и рассматривал через нее основательную бревенчатую избу. Мандрыкин с Асей остались возле «Хаммера». Ларин стоял в сторонке. Сегоднешнее предприятие ему было не по душе. Интуиция подсказывала – грядет что-то очень нехорошее и стыдное.

Владелец участка с избой и другие обитатели поселка от удивления пооткрывали рты. Из автозака один за другим спрыгивали немецкие каратели с автоматами, в касках.

– Ну, как? По-моему, то самое, о чем вы просили, – радостно заявил Пефтиев, демонстрируя избу Владимиру Рудольфовичу.

– Крыша, конечно, шиферная, – задумчиво и вдохновенно произносил кинорежиссер, – но главное, что стены фактурные, из толстых бревен. Таких нынче уже не строят, лес другой пошел, измельчал. Да, мельчаем и мы вместе с ним, Владлен Николаевич.

– Согласен, мельчаем. Но не во всем, в чем-то мы ведь и выше стали, культурнее, – отозвался бизнесмен от дорожного строительства.

И тут Карпов внезапно налился багрянцем и заорал на владельца участка:

– Что вы творите?! Кто вам позволил так портить уникальный объект?!

Пожилой мужчина даже жестянку с краской выронил из рук – спустился со стремянки, подошел к киношникам.

– А что такое? Я вот бревна нумерую. Разберу свой дом – и на новый участок перевезу. Наш-то кооператив ликвидируют. – И он с ненавистью посмотрел на Пефтиева.

– Какой ваш дом? Я что-то не понимаю, – делано удивился владелец дорожно-строительного треста.

– Ну, этот – мой. Его ж еще дед мой ставил перед самой войной на родине. А потом, когда деда не стало, мы с отцом оттуда избу забрали, по бревнышку раскатали, сюда перевезли, своими руками сложили, мхом законопатили. Все-таки память о предках. Теперь вот в новое место повезу по вашей милости.

– Вам компенсацию заплатили? – ледяным тоном произнес Пефтиев.

– Заплатили, – растерялся домовладелец.

– А компенсация, между прочим, выплачивалась за снос строения, расположенного на участке, который изымается для государственных нужд. За снос, – еще раз подчеркнул Пефтиев. – Так что дом вам больше не принадлежит, и никуда его перевозить вы не имеете права. Он – уже собственность строительного треста. Вы деньги за него получили и расписались.

– Так другие же перевозили или на дрова пилили, – вконец растерялся мужчина. – И вообще, что происходит?

– Не мешайте работать, – в голосе Пефтиева появился металл. – Участок уже не ваш, и вы вообще не имеете права здесь находиться.

– Да пошел ты! – Домовладелец пихнул Пефтиева в грудь.

Но тут уже не дремали омовцы – только ожидавшие подобного развития событий. Они схватили мужчину, заломили ему руки. Жители поселка не рисковали подходить близко – помнили, чем все кончилось в прошлый раз. Да и лица некоторых омовцев с того времени запомнили.

Мужчина дернулся, ругнулся матом.

– За оскорбление при исполнении, – вырвалось у одного из омовцев, и он с размаху ударил домовладельца в живот.

Бедняга сник и его тут же поволокли к автозаку.

– Извините, Владимир Рудольфович, – сменил тон Пефтиев, брезгливо оттирая ногтем пятно краски со своего запястья. – Вы не обращайте внимания – работайте. Вам больше не будут мешать.

Из толпы обитателей поселка выбрался Новицкий.

– Эй, фашисты! – окрикнул он омовцев. – Вы с кем, с ними или с народом? На кого руку подняли? На трудягу?

– Ты кого фашистом назвал? – Командир ОМОНа двинулся на ветерана, немецкая каска висела у него на сгибе локтя.

– Тебя и назвал, и холуев твоих. Фашисты вы и есть. Повязки со свастикой нацепили и в немецкой форме со «шмайсерами» ходите. Как мне вас еще называть?

Пефтиев понял, что ситуация накаляется, и уже пожалел о том, что решил помочь Карпову с выбором натуры.

– Не связывайтесь, – шепнул он командиру ОМОНа. – Просто оцепите участок и никого не пропускайте.

Омовец подошел вплотную к Новицкому и только сейчас оценил рост и комплекцию ветерана. Тот был еще хоть куда: плечистый, крепкий и сантиметров на пять выше него.

– Ладно, дед. С формой неувязочка вышла, – процедил сквозь зубы офицер. – А это тебе, чтоб ты не сомневался. – Он достал удостоверение и показал его Новицкому. – Больше вопросов нет? Заодно предупреждаю об ответственности за неподчинение законным требованиям правоохранителей. Всем разойтись!

– Повидал я таких, как ты, на своем веку. И в гестапо меня на допрос водили, и полицаи за руки к балке подвешивали, – прищурился Новицкий. – Но и я в долгу не остался. Даже точно сказать не могу, скольких сволочей и карателей на тот свет отправил. Тринадцать лет мне тогда было, когда со счета сбился.

Омовец отвел взгляд и хмуро промычал:

– Не скапливаться, разойтись.

– И еще, – произнес бывший партизан. – Сами каратели повязок со свастикой не носили, только полицаи-бобики. Это я тебе как очевидец говорю.

Заслышав это, Владимир Рудольфович оживился:

– Может, вы нас проконсультируете еще по парочке вопросов?

Новицкий ничего не ответил – только демонстративно сплюнул на пыльную землю и отошел к другим членам кооператива.

– Прикольный старичок, – прощепетала Ася и тут же дернула за рукав Мандрыкина. – Достань-ка мороженое из холодильника в багажнике. А вы будете? – обратилась она к Ларину. – Жарко ведь. А я так люблю холодненькое в жару полизать.

Андрею самому хотелось плюнуть на землю, как это сделал Новицкий, и отойти к нормальным людям. Но приходилось стоять рядом с теми, кто был ему уже противен. Утешала лишь мысль, что он здесь не просто так, не для удовольствия, а на задании, полученном от Павла Игнатьевича Дугина.

– Нет, спасибо, – сухо ответил он. – Не люблю сладкого.

– Зря не соглашаетесь. Я, как и Ася, большой любитель сладенькое полизать. – Мандрыкин уже вытащил из багажника переносной автомобильный холодильник и предлагал Мокрицкой мороженое на выбор.

Андрей даже не стал смотреть на то, что из сладенького и холодненького Мокрицкой по вкусу. А вот Владимир Рудольфович уже буквально впал в художественный транс.

– Погода и освещение уходят. Снимать надо прямо сейчас. Это же фантастика какая! А светотени! Такие и импрессионистам не снились. Какие там, на хрен, Дега с Моне... Быстро затоптать цветы на клумбе. Таких во время войны не делали. И умывальник на заднем плане на хрен убрать. Кто на Смоленщине в сороковые годы фаянсовые умывальники по деревням ставил? Быстро, быстро.

Возбуждение режиссера передалось даже омовцам. Хотя они и не обязаны были этого делать, но принялись топтаться сапогами по клумбе, уничтожая цветы, крушить фаянсовый умывальник топорами. Оператор уже возносился на кране, припав к окуляру.

– Что-нибудь белое мне выставите, чтобы цветodelение отрегулировать, – просил он, но его услышала лишь Мокрицкая, потому как, очутившись на съемках, тоже слегка «отравилась» искусством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.